

Рецензия на: Juergensmeyer, M. (2022) *When God Stops Fighting: How Religious Violence Ends*. Oakland: University of California Press. — 196 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-358-363>

Американский религиовед Марк Юргенсмейер — ведущий специалист в области исследований религии и насилия, который за несколько десятков лет карьеры успел объездить весь мир, беседуя с активистами всех крупнейших традиций; несмотря на крайнее различие взглядов и, зачастую, противоположные цели, их всех объединяла, во-первых, религиозность, а во-вторых — склонность к насилию. Настоящая книга, как пишет автор, — «венец» его тридцатилетнего проекта по изучению религиозного насилия по всему миру. В предыдущих частях проекта он рассматривал религиозный национализм («Новая холодная война?», 1993, переиздано как «Глобальное восстание», 2008) и терроризм (рус. пер. «Ужас Мой пошлю пред тобою», последнее, 4-е издание — 2018)¹.

Рецензия подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Если эти работы были посвящены возникновению и динамике религиозных движений, то нынешняя — тому, как они выдыхаются. Сами религиозные националисты и террористы считают, что их борьба имеет вселенский масштаб и продлится до конца времен, но любые войны, как пишет Юргенсмейер, рано или поздно заканчиваются.

Книга написана в привычном для автора формате *case-study* и содержит подробное описание трех кейсов, а также обширную теоретическую главу. Первый кейс — «Исламское государство» (запрещено в РФ), которое

1. Juergensmeyer, M. (1993) *The New Cold War? Religious Nationalism Confronts the Secular State*. Berkeley: University of California Press; Juergensmeyer, M. (2008) *Global Rebellion: Religious Challenges to the Secular State, from Christian Militias to Al-Qaeda*. Berkeley: University of California Press; Юргенсмейер М. «Ужас Мой пошлю пред тобою». Религиозное насилие в глобальном масштабе. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

к 2019 году после нескольких лет успеха лишилось всех своих территорий. Второй — движение филиппинских мусульман-моро, в 1969–2019 гг. боровшихся за создание автономного исламского региона. Наконец, третий кейс — сикхи, выступавшие за создание в индийском Пенджабе независимого государства Халистан. Выбор этих примеров продиктован тем, что в каждом случае религиозное насилие «закончилось» по-разному: в первом случае имел место физический разгром, во втором — мирное урегулирование, в третьем движение потонуло в расприх и исчезло, а его лидеры ушли в конвенциональную политику или на покой.

Изложение этих кейсов по большей части основано на беседах с участниками движений: автор разговаривал с джихадистами и беженцами в Ираке и Сирии, лидерами сепаратистов и генералами на Филиппинах, а также с деятелями сикхского движения, среди которых — Вассан Сингх Заффарвал, командир одной из ветвей «Коммандоса Халистана», Сохан Сингх и Симранджит Сингх Манн. Немалым достоинством книги является то, что автор не только анализирует фрагменты бесед, но и обрисовывает портреты или обстоятельства встреч. Попутно он успевает рассказать множество небольших историй — например, о своей поездке в разрушенный город Ма-

рави, когда он гнал на всех парах, опасаясь попасть в плен к террористам, или о беседе с джихадистом в тюрьме, во время которой приготовился обороняться при помощи карандаша. В сочетании с изложением общей картины событий это создает мощный «эффект присутствия». Помимо этого, исследователь представляет и концептуальный материал, касающийся, например, ИГИЛовской апокалиптики, методов вербовки (последний этап которой буквально называется «зафаранить», то есть «увести в рабство») или обстоятельств операции «Голубая Звезда», когда индийские войска разрушили сикхский Золотой Храм в Амритсаре.

Центральным понятием автора остается «космическая война»: это идея, что «земные столкновения являются отражениями метафизического противостояния между добром и злом, правдой и ложью» (р. viii). Хотя определение этого не содержит, обычно такое мировоззрение вовлекает в конфликт также сверхъестественных акторов вроде Бога и Сатаны, предполагает отсылки к священным писаниям и находит обоснование в конкретных религиях, а потому является религиозным. Из этого понятия и присущей ему динамики — например, радикального дуализма, демонизации врага, стремления к эсхатону и прочего — проистекает и критерий «окончания» религи-

озного насилия: оно кончается, когда образы космической войны исчезают. Однако у Юргенсмейера это «окончание» фактически совпадает с распадом самих насильственных движений. Вероятно, это оправданно в случае моро, поскольку конфликт был разрешен мирно, но в остальных двух случаях представляется сомнительным. Более того, Юргенсмейер признает, что многие джихадисты или сикхи при возможности взяли бы за оружие снова, и образы космической войны в этих группах лишь потускнели. Из этого он заключает, что «образы войны и не должны развеиваться легко: пока они не ведут к реальным боевым действиям, мы можем с ними уживаться» (р. 145). По его мнению, вполне достаточно, если космическая война отходит на уровень мифа о прошлом или о конце света. Ссылаясь на Зигмунда Фрейда и Рене Жирара, автор утверждает, что эти жестокие образы составляют ядро многих культур и даже бывают полезны, поскольку такое символическое насилие якобы позволяет сдерживать реальное (pp. 147–148).

Заключительная глава книги посвящена теоретическому осмыслению того, «как заканчиваются воображаемые войны». Поскольку космическая война — это прежде всего «определение ситуации» (по Гофману), с которым сопряжены конкрет-

ные идеи, образы и практические паттерны, эта война прямо зависит от реального положения дел и может исчерпать себя с их изменением. Поэтому на это «окончание» могут влиять как внутренние факторы, так и внешние, то есть как процессы в самом движении, так и реакция со стороны населения и властей.

Внутренних факторов выделяется три. Первый — утрата веры в борьбу. Принципиальный момент заключается в том, что для большинства активистов борьба является не средством, а самоцелью, особым модусом существования, в котором они находят товарищество, вкус к насилию и упоение силой. Когда молодых сикхских боевиков спрашивали, почему они примкнули к движению, около 40% ответили, что *for fun* — «это весело». «Идейные» составляли прискорбное меньшинство. Поэтому, когда лидеры себя дискредитируют, сама группа постоянно терпит неудачи, а насилие переливается через край, активисты начинают сомневаться, что борются за правое дело. Второй фактор — нарушение внутреннего согласия: сюда относятся расколы, дробления, появление конфликтующих групп и склоки внутри каждой из них. Именно это, как пишет автор, погубило сикхское движение: оно выродилось в десятки враждующих шаяк, которые терроризировали местное население и в итоге ли-

пились поддержки. Наконец, третий фактор — «новая надежда»: когда переговоры с властями выливаются в реальные изменения, а стороны пытаются уважать друг друга, воинственная картина мира тускнеет и вырисовывается мирное решение. Таков случай движения моро, которое исчерпало себя с созданием в 2019 году Автономного региона Бангсаморо в мусульманской части Минданао: бывшие боевики решили, что война окончена, и заняли места в новом правительстве.

«Внешние» факторы совпадают с рекомендациями для властей в плане того, как противостоять насильственным движениям. Их тоже несколько. Первый — устанавливать твердые рамки для деятельности насильственных групп с помощью полиции и, если нужно, армии, но при этом не использовать насилие сверх меры. Эти ограничения, с одной стороны, удерживают движение от мысли, будто оно вольно делать все, что захочет, а с другой — выступает как «реалити-чек» для идеи «космической войны»; власти должны показать, что эта идея существует лишь в головах узкой группы. «Это сложный акт балансировки, — пишет Юргенсмейер. — Необходимо использовать силу до такой степени, чтобы ограничить рост насильственного движения и оспорить его претензии на овладение реальностью, но при это не реагировать

избыточно, чтобы не подтверждать идею космической войны и не провоцировать тем самым больше ответного насилия» (р. 136). Избыточное применение военной силы, которое, по мнению автора, имело место в Мосуле, Ракке и филиппинском Марави, обычно внушает жителям разрушенных городов лишь ненависть к власти — хотя изначально в насилии были виноваты отнюдь не они, а террористы.

Идеям «космической войны» ученый противопоставляет «гражданский порядок», восстановление которого лежит на плечах правительства. Следует показать участникам насильственных действий, что альтернатива есть и их готовы принять в мирную жизнь: поэтому хорошо показывают себя «реабилитация солдат, прощение и амнистия для боевиков и переквалификация для получения работы» — меры, проводившиеся на Минданао (р. 138). Последняя рекомендация для властей — наиболее трудная: они должны дать надежду и проявить уважение. Так, один из бывших активистов моро, Нагиб Синаримбо, сообщил автору, что переломным моментом для него стала встреча с филиппинским генералом, который по-настоящему его выслушал (р. 127). Участники движения — как, например, сикхи в Индии или сунниты в Ираке, — просто хотят не быть гражданами «второго сорта», и унижать

их как минимум контрпродуктивно. Поэтому действия индийских властей в плане восстановления и украшения сикхских храмов или коммеморация сикхов в индийской истории — например, героя освободительного движения Бхагата Сингха, — ведет к благим результатам. Парадоксальным образом, иногда усмирить террористов легче, если дать им назвать местную школу в честь убитого предводителя.

Ключевая претензия, которую можно высказать к книге — из нее остается неясным, в чем специфика «окончания» именно религиозного насилия. Дело в том, что ни один из указанных выше факторов, будь то внутренних или внешних, не специфичен для религиозных насильственных движений; с тем же успехом речь могла идти, например, о левых террористических группах или сепаратистах. В целом автор не фетишизирует «религиозное насилие» и в другой своей книге пишет, что речь идет о насилии, «не порожденном религией, но с ней повязанном»². Однако на самом деле эта связь является вполне конкретной и выражается в регулярных отсылках к Богу, священным писаниям, заповедям и так далее. Совокупность этих отсылок не служит *причиной* насилия, но многократно его усили-

вает, превращая обычную войну в космическое противостояние между светом и тьмой, которая окончится лишь победой, пусть и в эсхатологической перспективе³. Однако из текста Юргенсмейера будто бы следует, что образы религиозной войны исчезают сами собой по исключительно светским и даже банальным причинам — из-за утраты веры в борьбу, внутренних разделений и умелой политики властей. Но тогда точно так же образы «космической войны» могли бы «разветвляться» и в группировках наподобие «Сияющего пути» или «Тигров освобождения Тамил-Илама». Наиболее специфическая работа, которую автор упоминает в связи с религиозными группами — это попытки духовных лидеров и волонтеров противопоставить насильственному образу религии иной, более мирный. В этой связи характерно, что *в наименьшей степени* борьба окончена для ИГИЛ как наиболее религиозной из описываемых групп, что подтверждает и сам автор: «Чего он [информант-джихадист], однако же, не признал — так это что апокалиптическая образность конфликта в конце времен и возрождение Халифата больше не имели значения. Битва кончилась, но идеи остались» (p. vii).

Еще одно замечание к работе вернее было бы назвать «сожале-

2. Юргенсмейер М. Ужас Мой пошлю перед тобою. С. 15.

3. Там же, с. 26.

нием». Несмотря на то, что книга Юргенсмейера основана на реальных беседах с людьми, которые практикуют религиозное насилие или как-то с ним связаны, он приводит эти интервью весьма фрагментарно. В целом у него отсутствует вкус к цитате, который так ценят этнографы, и речь его персонажей передается односложными замечаниями («Война окончена», «Все парни мертвы») или в пересказе. Учитывая богатый и уникальный полевой материал, собранный автором, красочных цитат очень не хватает. Добавлю, что у некоторых других авторов, которые тоже разговаривали с террористами, — например Джессики Штерн в ее книге «Террор во имя Бога» (2003)¹ — это получается несколько лучше.

В заключение позволю себе скромную рекомендацию: вероятно, «Когда Бог перестает сражаться» нужно читать, ознакомившись хотя бы с одной из других работ автора, уже упомянутых выше, — «Ужас Мой пошлю пред тобою» или «Глобальное восстание». В этом случае читатель лучше поймет концептуальные тонкости, а перед глазами будет масштабная картина религиозного насилия, которое и не думает «кончаться». Соответственно, будет легче понять и те случаи, когда насилие действительно «кончилось». И, конечно, остается надеяться, что это не прощальная книга автора.

А.И. Зыгмонт

Postoutenko, K., Stephanov, D. (eds) (2021) *Ruler Personality Cults from Empires to Nation-States and Beyond. Symbolic Patterns and Interactional Dynamics*. Routledge: London and New York. — 279 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-363-370>

Коллективная монография под редакцией Кирилла Постоутенко и Дарина Стефанова призвана компенсировать характерный

перекос в изучении культа личности — большинство современных исследований посвящено тоталитарным режимам XX века

Рецензия подготовлена в рамках гранта Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) «Феномен культа как предмет исследования гуманитарных наук» (2022).

1 Stern J. (2003) *Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill*. New York: HarperCollins.